

Р Ѣ Ч Ъ

предъ отпѣваніемъ почившаго Епископа Сильвестра.

Въ церкви Христовой нѣтъ мертвыхъ, такъ какъ ея Глава—Господь „нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ“ (Марка гл. 12, ст. 27). Вѣруемъ, что живетъ вышнюю, близкою къ Богу и святымъ Его жизнію и тотъ великій сынъ православной Церкви и ея пастырь, вокругъ бранныхъ останковъ котораго собрались мы нынѣ для молитвы. Предъ его духовными очами раскрылось уже все то, что мысленно созердалъ онъ во время земной жизни, къ чему тяготѣлъ всѣмъ существомъ своимъ и на что, какъ на послѣднюю цѣль земнаго существованія, указывалъ многочисленнымъ своимъ ученикамъ и духовнымъ чадамъ.

„Дивна, воистину, сотвори Господь“ (псал. 97, 1) въ жизни почившаго: лишенный зрѣнія тѣлеснаго, онъ, какъ никто другой, обладалъ зрѣніемъ духовнымъ. Грозны такіе люди для грѣшнаго міра во время ихъ земной жизни, въ пору ихъ церковно-общественной дѣятельности. Одно приближеніе ихъ къ намъ или наше къ нимъ наполняетъ насъ тѣмъ благоговѣйнымъ трепетомъ, который испыталъ нѣкогда Симонъ Петръ, „припавшій къ колѣнома Иисусовыма и говорившій: изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь“. (Луки гл. 5, ст. 8). Но это не рабскій страхъ, а трепеть неокрѣпшаго еще въ нравственныхъ силахъ сына предъ добрымъ отцомъ, трепеть кающагося грѣшника предъ его духовникомъ. Кто изъ насъ, о. о. и братіе, находившихся въ

духовномъ общеніи съ почившимъ епископомъ Сильвестромъ, не испытывалъ такого, именно, трепета въ его присутствіи? То чувство, которое мы, его ученики, испытывали при приближеніи къ нему, при входѣ въ его келліи, переживается, обычно, только паломникомъ, приходящимъ къ подвижнику—прозорливцу въ стѣны св. обители. Желанна и вмѣстѣ грозна для паломника минута встрѣчи съ подвижникомъ, памятной ему на всю жизнь всякое его слово, всякое дѣйствіе. Долго спустя послѣ посѣщенія старца, паломникъ живетъ, гордится тѣмъ, что былъ имъ принятъ, наученъ, получилъ отъ него благословеніе. Подвижникомъ науки, архипастыремъ-прозорливцемъ былъ и почившій. Проходили годы, десятилѣтія, а великій старецъ твердо стоялъ на своемъ нелегкомъ посту, не позволяя склонить себя ни направо, ни налево отъ того для него яснаго и прямого пути къ достиженію цѣлей духовнаго просвѣщенія, какой указанъ закономъ Христовымъ. Имя епископа Сильвестра, красоты и гордости Православной Церкви, ея перваго богослова, пастыря неспособнаго „на хожденіе по вѣку міра сего“ (Ефес. 2, 2), врага неискренности и лжи, лицемерія и угодничества, стало извѣстнымъ во всѣхъ уголкахъ земли русской, гдѣ только боролись противъ тьмы и невѣжества его многочисленные ученики. Въ ореолѣ самоотверженной подвижнической жизни представлялась личность почившаго не только членамъ Православной Церкви, но и иноувѣрнымъ. Ему, какъ истинному архипастырю Христовой Церкви, надлежало по апостолу, „имѣть доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ“ (1 Тим., 3, 7), и онъ имѣлъ его. На него, мужа сильнаго духомъ и вѣрою, указывали эти „внѣшніе“, какъ на желаннаго главу Церкви Русской, возможнаго ея патріарха... Но годы труда и непрестаннаго бдѣнія надъ нравственнымъ и умственнымъ ростомъ порученнаго ему разсадника *высшаго* духовнаго просвѣщенія взяли свое: „исполненный благодати, всякаго разума, *могущій другихъ научати*“ (Рим.1.

15. 14) ослабѣлъ тѣломъ; послѣднее потребовало отдыха, на который имѣло полное право. Переходъ отъ труда къ покою, отъ заботъ къ отдыху, для людей обычнаго житейскаго уровня—дѣло всегда желанное; но не такъ относились и относятся къ нему люди долга и энергій. Они въ подобной перемѣнѣ видятъ для себя Божіе наказаніе и въ глубинѣ своей души никогда не мирятся съ нею. Ихъ жизненная задача—учить и наставлять другихъ дѣломъ и словомъ; они привыкли видѣть себя окруженными благоговѣнно-внимающими каждому ихъ слову учениками. До конца дней своихъ желали бы эти люди дѣлиться сокровищами своего ума, своимъ жизненнымъ опытомъ съ понимающими и цѣнящими ихъ, зная, что для послѣднихъ даже малыя наставленія ихъ „паче злата и сребра многа“. Подобно всехвальному апостолу любви и богослову Іоанну, поучавшему, не смотря на крайнюю слабость тѣла, до заката житія своего на землѣ учениковъ краткими наставленіями о любви, желалъ и нашъ дорогой отецъ и учитель видѣть возможно чаще около себя имъ воспитанныхъ и наученныхъ и преподавать имъ, вмѣстѣ съ благословеніемъ, и наставленіе. Но, къ стыду нашему, по издавна присущей русскому человѣку привычкѣ цѣнить людей только у власти стоящихъ, мы лишь изрѣдка навѣщали почившаго, чтобы получить у него благословеніе, приложиться къ рукамъ его. Дорого, безконечно-дорого было для старца-архипастыря каждое посѣщеніе кого-либо изъ близкихъ по духу лицъ; горячо принималъ онъ къ сердцу все, что ему сообщали о томъ мѣстѣ, на которомъ онъ такъ долго и такъ усердно служилъ Богу и Его дѣлу. Киевская духовная Академія, Братскій монастырь—эти близкіе почившему разсадники вѣры и христіанскаго благочестія—были, обыкновенно, предметомъ его разговоровъ. Одному Господу извѣстно, сколько молитвъ было вознесено почившимъ за ихъ благоденствіе, сколько преподано

благословеній правоправящимъ въ нихъ слово истины труженникамъ!

Предоставленный самому себѣ, волнуемый мыслями и думами о прошломъ и будущемъ, нашъ отецъ и наставникъ не былъ, однако, одинъ; съ нимъ былъ Господь, во славу Имени Котораго онъ творилъ великое и цѣнное въ области боговѣдѣнія, Котораго молилъ высокою одушевленною молитвою о своихъ духовныхъ чадахъ. Подобно пустыннымъ старцамъ и подвижникамъ, „ихъ же не бѣ достойнъ весь міръ“ (Евр. 11, 38), почившій въ послѣдніе годы жить въ Богѣ и съ Богомъ. Подобно имъ, и онъ страдалъ, но слово жалобы не исходило изъ устъ его, мы не слышали отъ него ни ропота, ни укоризны. Великая черта, присущая только тѣмъ христіанамъ, для которыхъ близка уже потусторонняя жизнь, которые знаютъ, что болѣзни, печали и воздыханія — неизбежный удѣлъ всякаго, пришедшаго въ міръ. Ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, покоющійся на груди почившаго, согласно его предсмертной волѣ, — вотъ единственное напоминаніе для насъ о томъ, терніями усыянномъ пути, по которому шелъ онъ въ этой жизни.

Тихо, блаженно почилъ ты, нашъ дорогой отецъ и наставникъ. И многіе изъ жителей города, лучшимъ духовнымъ украшеніемъ котораго ты былъ, проводили тебя тѣсными толпами подъ своды того храма, гдѣ возносили ты въ теченіе почти подувѣка свои горячія, дивныя молитвы. Едва не весь градъ поднялся и нылъ, чтобы проводить тебя къ другому древнему храму, избранному тобою мѣстомъ вѣчнаго упокоенія. Провожавшіе твои останки и окружающіе твой гробъ говорятъ и думаютъ: тяжело жилось почившему въ послѣдніе годы, но все же лучше было бы, если бы онъ не оставлялъ этого міра, жилъ среди насъ, хотя бы и въ полномъ духовномъ одиночествѣ. И какъ понятны эти рѣчи и мысли для христіански-настроеннаго ума! Умеръ праведникъ, одно присутствіе котораго среди грѣхами отягченнаго

общества было великимъ утѣшеніемъ для лицъ, не потерявшихъ еще вѣры въ добро и святость. Свѣтильникъ вѣры и знанія, который почившій держалъ въ своихъ ослабѣвшихъ рукахъ, свѣтилъ тѣмъ истиннымъ, небеснымъ свѣтомъ, лучи котораго только и могутъ прорѣзывать окружающую насъ тьму, прогнать и разсѣять ее. Погасъ свѣтильникъ, не стало праведника! Кто можетъ замѣнить его? Никто, такъ какъ подвижники науки, свѣточн вѣры и любви, подобные почившему, незамѣнимы. Пройдутъ годы, смѣнятся поколѣнія, но память о добромъ пастырѣ, великомъ молитвенникѣ и безкорыстномъ труженникѣ-архипастырѣ, душу свою полагавшемъ за други своя, не умретъ въ сердцахъ всѣхъ, кому дорога Православная вѣра, кто опытно позналъ, какъ не легкою тогъ видѣ служенія ея, какой былъ земнымъ удѣломъ еп. Сильвестра. Издалека уже и теперь несутся въ нашу скромную обитель просьбы „положить поклонъ предъ гробомъ святителя, смиреннаго мудреца и подвижника“. Не перестанетъ благоговѣнно чтить его святую память и въ грядущіе вѣка духовная школа,—дорогое дѣтище Русской церкви. На пространствѣ всего своего историческаго прошлаго она не знаетъ ни одного іерарха, служившаго такъ долго и съ такою пользою для раскрытія спасительныхъ христіанскихъ догматовъ, и не только научавшаго другихъ истинамъ христіанской нравственности, но, какъ и всѣ великіе въ Царствіи небесномъ, осуществившаго ихъ въ своей земной жизни.

Но, отцы и братіе, мнѣ неостало бы времени для благоговѣйнаго повѣствованія о томъ, чѣмъ, какою стороною своего богато-одареннаго духовнаго облика покорялъ умъ однихъ, вліялъ на волю другихъ, плѣнялъ сердца третьихъ, властвовалъ не надъ отдѣльными только личностями, но и надъ цѣлыми поколѣніями въ Бозѣ почившій святитель. Къ тому-же его блаженная кончина, какъ и кончина великаго

праведника, поводъ не къ прославленію только почившаго, по и къ нашему собственному наученію. Хвалятъ, прославляютъ почти всѣхъ почившихъ, пазидаются только у гроба немногихъ изъ нихъ, избранниковъ Божіихъ. Къ такимъ немногимъ принадлежитъ нашъ дорогой покойникъ. Приникнемъ къ его гробу, и онъ своимъ тихимъ, дрожащимъ, задушевымъ голосомъ многому научить насъ, о многомъ воспомянетъ намъ, знавшимъ и не-знавшимъ его при жизни. Какъ архипастырь, онъ учитъ своимъ примѣромъ прежде всего насъ, пастырей Церкви Православной. Говорятъ и пишутъ нынѣ: православное пастырство много потеряло въ наши дни въ глазахъ своихъ пасомыхъ; ему не оказываютъ прежняго довѣрія, прежней любви. Но вотъ отошелъ ко Господу жившій на покой пастырь, не имѣвшій даже собственной паствы, помогавшій всю жизнь свою другимъ пасти стадо Христово. И его останки окружаютъ такимъ благоговѣніемъ, такимъ неподдѣльнымъ и искреннимъ почитаніемъ, возносятся такія горячія молитвы о причтеніи Его къ лику св. угодниковъ Божіихъ, что даже скорбный обрядъ погребенія не столько печалитъ, сколько горѣ восхищаетъ души и сердца людскія. Намъ, наблюдающимъ это стремленіе народа ко гробу почившаго, какъ бы слышится его поучающій голосъ: если вы, пастыри церкви, желаете быть близкими къ своей паствѣ, цѣнными ея, то заботьтесь не о томъ, чтобы украшеніемъ вашимъ была вѣшняя лѣлота, или то, что зовутъ житейскою обстановкою, но „сокровенный сердца челоуѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа“ (I Петра, 3, 4). Намъ, современнымъ пастырямъ, предносятся, какъ идеаль, пастыря грознаго, бичующаго нещадно пороки другихъ, вызывающаго къ небу и людямъ о томъ злѣ, которое причиняютъ пастырству внутренне и вѣшніе враги христіанства. А лежащій во гробѣ, тоже нѣкогда грозный для нашей совѣсти и несомнѣнно идеальный пастырь, всею своею жизнію даетъ намъ наставленіе:

„кто сдѣлаеть вамъ зло, если вы будете ревнителями добра?“ Не простекають ли ваши пастырскіе страхи изъ ожиданія страданій за вѣру? Но если вы и страдаете за правду, то вы блаженны; а страха вѣшняго, которымъ всегда грозили доброму пастырегву и грозить нынѣ, не бойтесь и не смущайтесь (I Петра, 3, 13—14). Для пастыри, непонимаемаго насомыми и гонимаго врагами, единственная защита Господь и Спаситель. Въ горячей молитвѣ къ Нему, въ слезахъ, поклонахъ, въ посильной помощи другимъ, обиженнымъ судьбою, онъ найдетъ силы противостать страху, угрозамъ, нападеніямъ. Насельникамъ этой св. обители, ея посѣтителемъ долго будетъ памятенъ образъ теплаго молитвенника, возносившаго сердце свое и ближнихъ къ престолу Божію, проливавшаго слезы молитвеннаго умиленія въ семь храмѣ. Не стало великаго нищенюбца и всегдашняго нашего богомольца,—вотъ первая мысль посѣтителей сего св. храма при вѣсти объ уходѣ почившаго изъ стѣнъ Братской обители. О, какъ счастливы были бы православные люди, если бы ихъ пастыри приняли за образецъ для себя непостыдное пастырство почившаго іерарха пришедшаго и нынѣ „послужить другимъ“ послѣдній разъ на мѣстѣ своихъ прежнихъ молитвенныхъ подвиговъ!

Избравъ путь, по которому онъ шелъ во время своей земной жизни,—путь привлеченія къ себѣ сердецъ пасомыхъ примѣромъ личной жизни и высокой духовной настроенности, мы привлекли бы къ нему многочисленныя ряды смѣняющихъ насъ на нивѣ служенія Церкви питомцевъ родной почившему и намъ духовной школы. Въ Божѣ почившій архипастырь—питомецъ нашей школы того ея періода, когда въ ней твердили: примѣры влекутъ. Больше примѣромъ, чѣмъ словомъ, влекъ и онъ насъ къ Источнику свѣта и жизни. Мы любимъ упрекать юнѣйшихъ насъ, грозить имъ за ихъ вольныя и невольныя прегрѣшенія, за-

бывал при этомъ, что, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, наше духовное юношество болѣе недовольно самимъ собою, чѣмъ мы имъ. Оно ищетъ среди его окружающихъ безкорыстныхъ, преданныхъ долгу дѣятелей на нивѣ Христовой, и если находятъ такихъ, идетъ за ними, почитаетъ ихъ, хотя бы они были грозны для немощной его совѣсти, какъ почившій святитель. Но чтобы заслужить этотъ почетъ, это довѣріе, нужно быть прежде всего грозными судьями своей не немощной только, но часто злой и своекорыстной совѣсти...

Въ лицѣ почившаго святителя не мы одни, ученики его, теряемъ живой примѣръ жизни въ Богѣ, но и вы, братіе и сестры о Господѣ, очевидцы его высокой, чистой жизни, его молитвенныхъ подвиговъ, его любви къ меньшему брату. По чувству справедливости, мы должны были бы уступить вамъ первое мѣсто у гроба съ дорогими останками, такъ какъ вы относились къ почившему съ такой горячею любовію, съ такимъ трогательнымъ сочувствіемъ, какъ не относится дѣти къ родителямъ. Вы окружали его вниманіемъ и усердіемъ, какихъ не проявлялъ никто изъ насъ. Скажу больше: вы прозрѣли въ немъ праведника и угоднаго Богу человека. Только этимъ и можно объяснить то обстоятельство, что при вѣсти о кончинѣ великаго старца вы притекли въ стѣны чтимой вами обители и непрерывной струею въ теченіе послѣднихъ дней прикладывались къ почившему, молились о немъ и ему. Господь, по молитвамъ почившаго, да благословитъ васъ за любовь къ Его доброму пастырю-святителю.

Въ общее наше утѣшеніе сообщаю Вамъ, что въ послѣдней своей волѣ почившій благословляетъ всѣхъ своихъ учениковъ и духовныхъ чадъ и проситъ ихъ молитвъ о *себѣ* *Нелозимѣ*, отцы и братіе, малую просьбу того, кто не отказывалъ намъ въ просьбахъ большихъ и даже трудно-

выполнимымъ Помолимся духомъ и умомъ объ упокоеніи со святыми того, кто въ умной молитвѣ, духовномъ дѣланіи и молитвенномъ общеніи съ людьми полагалъ высшее счастье челоуѣка-христіанина. Аминь.

Е. Теодосій.